

С.В. РЯБУШКИНА

(Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия)

УДК 81.161.1'366
ББК Ш141.12-21

О СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОМ УПОТРЕБЛЕНИИ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Аннотация: Собирательные числительные в современном русском литературном языке представляют собой малочисленную, в пределах первого десятка, лексическую группу. В речи встречаются собирательные числительные для больших количеств, как реализация словообразовательного потенциала нумеральной системы (*одинадцатеро, двадцатеро* и проч.); их использование стилистически маркировано. Расширение сочетаемости собирательных числительных также провоцирует тот или иной стилистический эффект, в частности этот прием применяется при персонификации, при создании художественного образа (рассматриваются сочетания собирательных с названиями животных).

Ключевые слова: имя числительное, стилистика, синтагматика, одушевленность, персональность, активные процессы в русском языке.

Русские собирательные числительные (далее СЧ) в современном литературном языке – это малочисленная группа имен, состоящая из девяти суффиксальных производных на базе количественных числительных (далее КЧ) первого десятка. Обозначая определенное количество предметов как совокупность, как цельно-раздельное множество, СЧ характеризуются избирательной сочетаемостью – преимущественно с лично-мужскими существительными.

Следует отметить, что славянские языки «больше всего отличаются... в отношении собирательно-разделительных числительных» [Супрун 1969: 39] – по их семантике, грамматическим свойствам и особенностям употребления.

Функционирование СЧ в русском языке может сопровождаться стилистическими явлениями разного порядка. Во-первых, частотность СЧ неодинакова в текстах разных типов и стилей, что зависит от стилистических доминант, от тематики, от речевого жанра. Во-вторых, потенциальные СЧ для больших количеств могут реализоваться в тексте в соответствии с коммуникативными потребностями говорящего или же возникнуть под влиянием контекста; их использование создает тот или иной стилистический эффект. В-третьих, узальная сочетаемость СЧ значительно богаче той, что предписывается языковым стандартом, и расширение синтагматики также стилистически значимо.

Рассмотрим подробнее два типа явлений, которые хотя и нарушают кодифицированные правила функционирования СЧ, но регулярно наблюдаются в узусе и не вызывают стилистического протеста: 1) «большие» СЧ, выявляющие словообразовательный потенциал нумеральной системы; 2) сочетания СЧ с названиями взрослых животных, свидетельствующие о семантических возможностях СЧ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЯДА СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Языковой стандарт допускает в литературный язык СЧ первого десятка, но активно используются только СЧ от *двое* до *семеро*: «при прочих равных условиях, лично-количественные *восьмеро*, *девятеро* и *десятеро* нежелательны» [Мельчук 1985: 379]. Ограничения, как представляется, обусловлены прагмасемантически. СЧ обозначают определенное количество лиц как единое целое: люди объединены в группу общей деятельностью или же группа сформирована по какому-то общему признаку. Цельно-раздельное восприятие совокупности ограничивается «магическим числом» 7 ± 2 , большее же количество будет обозначаться, скорее всего, неопределенно – как 'много'.

Но, тем не менее, системных ограничений на образование СЧ для больших чисел не существует, несмотря на то что «они ощущаются просторечными или искусственными» [Супрун 1964: 8]. Заметим, что в близкородственном украинском языке СЧ типа *тринадцятеро*, *двадцяттеро*, *тридцяттеро* образуются свободно [Жовтобрюх, Молдован 2005: 528].

Появление в тексте «больших» СЧ обычно стилистически маркировано. Перечислим некоторые характерные типы реализаций.

1. Прагмасемантически обусловленное употребление – так, единство одиннадцати игроков футбольной команды довольно часто обозначается СЧ: *У меня все еще хуже. Меня не интересуют результаты игры даже тогда, когда все **одиннадцатеро** носят русские фамилии. Очень понимаю ст. Хоттабыча, раздавшего каждому по мячу (<http://helpix.livejournal.com/38328.html>); Но вообще все без исключения были хороши. Данька не худший, во всяком случае. <...> **Одиннадцатеро** хуже* (Гостевая книга итальянского футбола. <http://casavladi.ru/community/gb/comment-page-144>); ***Одиннадцатеро** уже взяли «тройник» – БД, МС и Наполи* (Конкурс Лиги Чемпионов 2011/2012. http://www.eurocups.ru/forum/topic_94/2).

2. Экспрессивная трансформация прецедентного текста – употребление вместо стандартного СЧ, как, например, в следующих контекстах с измененным фразеологизмом *семеро одного не ждут*: *Когда терпение кончилось, мы решили, что **двенадцатеро тринадцатого не ждут** и тронулись в путь* (http://veloservis.ur.ru/p011021_2.htm); *Про-*

шедшую 31 мая акцию на Триумфальной можно назвать по-настоящему инновационной. Господа полицейские зачем-то разделили своими телами пешеходный переход на две части... – и далее следует фотография с места событий с подписью **Одиннадцатью одного не ждут** (<http://onlife.me/2011/06/innovacionnaya-strategiya-31/>). Или же в современном варианте старого выражения *лучше пусть трое судят, чем четверо несут*: ...уж **лучше вас двенадцатью судят, чем, как известно, шестеро несут** (А. Лавринич. <http://www.stihi.ru/2012/07/01/7153>); см. также обсуждение этой фразы на форуме: <http://otvet.mail.ru/question/65132813>.

3. Синтаксически обусловленное употребление – продолжение счетного ряда в градационных контекстах: *Ну, предположим на одну секундочку, что есть в стране человек, вот, **есть**, допустим, **в стране один человек или, допустим, их семеро, может быть, их одиннадцатью** (не важно), но есть один человек какой-то или несколько их, которые, ну, совершенно неприемлемы* (В. Уткин. <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot-evening/812070-echo/>); *Сколько же вас. Ну и много же вас. Вас больше меня раз в сто. <...> Сколько же, сколько же вас? **Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро** или же вас, уважаемые, **одиннадцатью и двенадцатью**, целая большая стена, широкая курганская стена плача?* (А. Салангин. Слово. <http://radiokurgan.narod.ru/slovo/salangin/puteshestvie/puteshestvie.htm>); *Выход нашёлся довольно быстро. Где один производит что-то с относительно редким периодом, там **трое, пятеро или одиннадцатью** будут производить это же гораздо чаще, подумал этот скромный человек* (<http://blin.exler.ru/articles/official/firstpancake/01.shtml>).

4. Стилизации разного рода – как отсылка к тем стратам русского языка, где ограничения на образование «больших» СЧ отсутствуют.

Во-первых, речевая характеристика персонажа – носителя просторечия или диалекта (возможны также украинизмы): *Он [лесничий Антон Некульев. – С.Р.] не говорил о том, что за ним едет еще **шестнадцатью мастеровых**, чтобы не дать разграбить леса, ибо эти леса играли решающую роль в пароходном движении по Волге, – что дан ему и его **шестнадцатерым** мандат расправляться вплоть до расстрелов* (Б.А. Пильняк. Мать сыра-земля. – НКРЯ); *Едем с капустного поля. Подобрали «голосовавшую» тетку, как оказалось, пенсионерку. Стали расспрашивать, как здесь живет. Тетка отвечала довольно враждебно. Всего их в деревне «**тридцатью**», шестеро из этого числа – высланные из города* (Л. Нечаев. В некотором царстве); *Полегла вся наша рота, **Двадцатью** в степь ушло* (Б.А. Лавренев. Сорок пер-

вый. – НКРЯ).

Во-вторых, стилизация «под старину», в современных исторических романах или в текстах псевдоисторического фэнтези: *Поведали Ивану Молодому: урону русичи понесли всего-то пятерых убитыми, да ранено двадцатеро. А татаровеи набили несчитанно: кому было время считать? (А. Ларин. Тайный офеня); Нас было двенадцатеро... А мы, сыны земли, всегда были сильнее богов, сынов неба... (Ю.А. Никитин. Трое из леса в песках); Уже не один слабый, а двенадцатеро. Придется убивать уже двенадцать детенышей... (Ю.А. Никитин. Кувяя).*

В-третьих, отражение детского словотворчества: *И маленькая Лена спрашивает Евдокию: <...> – Столько много детей? <...> Тут одних девочек десятеро или двадцатеро (В.Ф. Панова. Евдокия. – НКРЯ).*

5. Языковая игра, при которой могут появиться даже сложные и составные СЧ и дENUMERальные наречия: *Я мать двадцать пятерых детей (Comedy Club. ТНТ. 06.07.08); ...их было десятеро, но только одиннадцатеро пошли в атаку! К ним подползли еще двое и в итоге они атаковали магазин с водкой тринадцатером! ...или... Они водинадцатером пошли в атаку! <...> язык наш русский полисинтетичен и универсален – вдвадцатишестером, например... (http://shamanarto.livejournal.com/152017.html).*

СОЧЕТАЕМОСТЬ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ

Названия взрослых животных – согласно грамматическим нормам современного русского языка – должны соединяться с КЧ, а их сочетания с СЧ в литературной речи неприемлемы. В украинском и белорусском языках такая синтагматика вполне допустима: «зборня лічэбнікі ўжываюцца... са словамі *гусі, коні, свінні (двое коней – два кані)*» [Кароткая граматыка 2007: 268] (см. также [Жовтобрюх, Молдован 2005]).

Реальное употребление, узус всегда разнообразней, богаче наших представлений о нем и часто предлагает нам подобные «неправильности»: *Он не знает страха. Он съедает на завтрак пятерых быков (К/ф «Астерикс и Обеликс на Олимпийских играх», перевод); Туристы-экстремалы устроили настоящее авторали у границы заповедника «Столбы». Рев мощных машин разбудил троих медведей. Двое ушли в тайгу (Новости. Первый т/к. 25.10.12); Вот идилическая картина: туристка на пляже кормит обезьяну. Но всего через минуту шестеро животных набросятся на нее и начнут кусать и царапать (Постскриптум. ТВ Центр. 06.12.08).*

В художественных текстах эта девиантная синтагматика может использоваться для речевой характеристики героев: [Евсюков:] *Верблю-*

дов шестеро. Как продукт поедим – верблюдов резать будем. Все едино ни к чему (Б.А. Лавренев. Сорок первый); *Ольге на хозяйство даем: корову с теленком симментальской породы, кобылу с лошонком, пятеро овец, свинью английской породы...* (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. – НКРЯ); – *Я дам вам Пэреса! – Бернарда Ивановича? – Именно. Трое людей, трое лошадей, брочка и бензин. Чего еще вам надо?* (В.В. Шульгин. Последний очевидец. – НКРЯ).

Но большая часть контекстов имеет семантическое обоснование. Выделим три типа употреблений.

1. Выбор СЧ связан с тем, что говорящему нужно подчеркнуть значение совокупности, совместности: «Что касается конструкций *три студента* и *трое студентов*, то стилистически они однозначны. Однако в определенных условиях они могут получать разные значения или оттенки смысла. "Сегодня ко мне приходили три студента", – скажем мы, имея в виду три разных визита. Когда же мы говорим: "Сегодня ко мне приходили трое студентов, то здесь речь может идти об одном визите, одном посещении» [Люстрова, Скворцов, Дерягин 1976: 114].

Так, в статье Е. Гончаренко о жизни Московского зоопарка контексты с КЧ и СЧ использованы рядом: *Справа и слева от меня за ограждениями из толстых бетонных столбов стояли слоны. Их было восемь. «Ну и что? – спросите вы меня. – Слоны – вещь нехитрая. Захотим – завтра пойдем в зоопарк и тоже увидим восемь слонов». В том-то и дело, что нет. Никто из посетителей Московского зоопарка не может увидеть восьмерых слонов. Всем известно, что в музеях есть запасники. Статуи, вазы, картины скрыты от глаз публики, и видят их только служители. В зоопарке тоже есть много такого, чего посетители не видят* (Е. Гончаренко. Звери нашего города // Столица. 27.05.97. – НКРЯ). В контексте с СЧ актуализирована семантика собирательности: увидеть восемь слонов не по отдельности, а одновременно.

Группа животных может быть объединена совместной деятельностью: *А ему удалось оседлать троих львов и прокатиться на них по арене* (Памяти Вальтера Запашного. Т/к «Россия–К». 01.04.13); *Эта собачья перевозка предназначена для шестерых собак* (Планета собак. Т/к «Россия–1». 21.09.13). Последний контекст прозвучал в сюжете об испанских борзых гальго – журналист и хозяин собак рассказывают о них, как о членах семьи, верных помощниках человека, животных прирученных и «очеловеченных».

2. Расширение синтагматики часто обусловлено эстетически – используется при создании художественного образа, при персонафика-

ции животного.

В поведении животных может обнаруживаться нечто человеческое. Например, «*независимые иерусалимские кошки*» в романе-комиксе Д. Рубиной «Синдикат» стали одним из символов Вечного города. Эта тема проходит через все повествование: *По летному полю аэропорта Бен-Гурион, так же, как и по всей стране, свободно разгуливали кошки; ...легион неустрашимых кошек, которых в избытке плодит Иерусалим.* Одна из героинь романа, Рома, «своей неподотчетностью... напоминает... иерусалимских кошек. Те тоже никого не боятся, ни на кого не оглядываются и идут по своим делам, никого не спросясь». И в контексте романа фраза «чем там лакомятся **трое отважных иерусалимских кошек**» звучит вполне органично, даже несмотря на женский род существительного.

Помогает создать образ экспрессивный прием выбора КЧ и СЧ (дабы избежать ненужных ассоциаций и двусмысленностей) в рассказе В. Драгунского «Белые амадины» из цикла «Денискины рассказы»: *И еще из непевчих, но поразительных птиц здесь в больших клетках сидели две попки. То есть два попки. Или нет! Двое попок! Вот. Один был белый, большой, назывался какаду. <...> А второй был кубинский амазон. <...> Он все время на меня смотрел, а я ему улыбался, чтобы он знал, что я ему друг.*

Г. Владимов в повести «Верный Руслан» рассказывает трагическую историю караульной собаки. Когда лагерь был закрыт и заключенные освобождены, собаки по привычке продолжали нести свою сторожевую службу, ожидая очередного конвоя: *Звери были красивы, были достойны... <...> ...пятеро или шестеро собак, не изменивших своему расписанию, никого уже не облаивали и не обскуливали, лишь покорно отсиживали свои часы.* Употребление СЧ здесь также закономерно: собаки, воспитанные людьми, ведут себя как люди, «собираются словно бы для каких-то своих совещаний, часто оглядываясь через плечо и не допуская в свой круг посторонних. Своя была у них жизнь, а в чужую они не вторгались».

Художественный прием «очеловечения» животного характерен для детской литературы. Так, сюжет повести В. Медведова «Баранкин, будь человеком!» построен на различных превращениях героев, и в «муравьиных» главах появляются СЧ: *Мы начали было кувыркаться, но тут я заметил, что из леса, то есть из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьев. <...> – Ты, рыжий, – крикнул я самому здоровому мирмику, – давай один на один! Я тебя вызываю! Рыжий верзила, не говоря ни слова, сделал шаг вперед и раздвинул челюсти. Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покач-*

нулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли **двое рыжих муравьев**.

3. Названия животных могут использоваться с иной референциальной отнесенностью – для обозначения человека: *А у меня, Мартыныч, в Симферополе двое грызунов, на них зарплата и уходит* (А. Гладиллин. Прогноз на завтра. – НКРЯ); *Дербенев, Губарев, у вас вон трое слонов с бревна упали. Марш страховать...* (В. Гулин. Тепурджиди в карантине. – НКРЯ). Ср. также контексты с прецедентным феноменом – «крылатой» фразой генерала Лебеда: *...Александр Иванович привел убийственный аргумент: «Двое пернатых в одной берлоге не живут и жить не могут».* В терминологии генерал, конечно, маленько запутался, но фамилия – пригодилась. *А говорили – менять... Символ года* (В. Быков, О. Деркач. Книга века. – НКРЯ); – *Постойте, вы что и с Хрупом собираетесь драться? – Он мне не нравится. Слишком уж похож на меня, а двое пернатых, как говорят генералы у меня на родине, в одной берлоге не уживутся* (С. Осипов. Страсти по Фоме. – НКРЯ).

Как показывают наблюдения, в узуальных сочетаниях с СЧ чаще используются названия больших диких животных или тех «братьев наших меньших», что живут рядом с человеком, иногда как члены семьи: *Дубаиский шейх взял и выпустил на свободу шестерых лошадей* (Сегодня. НТВ. 01.12.09); *В однокомнатной квартире рядом с нею проживают трое ранее подобранных собак* (Вести-Ульяновск. ГТРК «Волга». 24.02.09); *Эмми содержит на ферме шестерых львов, которые бы погибли в саванне* (Т/к «Viasat Nature». 21.02.13).

Эти животные не просто некие одушевленные твари – они своеобразны, у каждого особое поведение и характер, а люди дают им имена и защищают их права. Вспомним, например, недавние события – сюжет о гибели в датском зоопарке львов, прошедший практически по всем новостным телепрограммам и отраженный всеми информационными агентствами. В ряде текстов параллельно используются КЧ и СЧ: *[Ввод сюжета в телестудии:] В зоопарке Копенгагена убили четверых львов. [Начало сюжета:] В зоопарке Копенгагена убили четырех львов* (Вести. Т/к «Россия-24». 26.03.14); *[Название:] В зоопарке Копенгагена умертвили четырех львов, чтобы не мешать другому хищнику создавать новую пару. [В тексте:] Новыми жертвами стали львы: сразу четверо – взрослые и детёныши* (Первый т/к. 26.03.14. <http://www.1tv.ru/news/world/255046>). Конкуренция вариантов связана, вероятно, не только с тем, как был оформлен полученный корреспондентами пресс-релиз. Близость львов к человеку отражается в выборе лексики: *Два пожилых льва и их 10-месячные детеныши*

(ИА «AlterNews». 26.03.14. <http://alternews.com/v-zooparke-kopengagena-ubili-chetveryih-lvov/35467/>); [*Львята*] были недостаточно взрослые, чтобы **самостоятельно постоять за себя** (<http://rusplt.ru/news/v-datskom-zooparke-posle-jirafa-mariusas-ubili-esche-chetveryih-lvov-111340.html>. 25.03.14). В комментариях говорится о правах животных: *...в целом права животных в Европе постоянно расширяются. Дело доходит даже до парадоксальных вещей. Испания, например, признала права крупных человекообразных обезьян на жизнь и свободу, их нельзя использовать в научных экспериментах, телевизионных и цирковых шоу* (Комсомольская правда. 27.03.14. <http://www.kp.ru/daily/26212.4/3096121/>). И в таком контексте выбор СЧ представляется вполне объяснимым.

Итак, нормативные требования грамматик отражают лишь часть узуальных возможностей использования СЧ. Во-первых, потенциальные «большие» СЧ сравнительно легко вербализуются в стилистически маркированном контексте, если говорящему они необходимы. Во-вторых, кодифицированные правила синтагматики СЧ часто нарушаются: узуальная сочетаемость свидетельствует о том, что эта дополнительная характеристика существительных лично-мужского рода постепенно становится признаком одушевленности, распространяясь также на сочетания с названиями животных. Именно так развивалась в истории русского языка категория одушевленности, последовательно охватывая разные словоизменительные классы существительных: от мужского – к женскому и среднему роду, а далее от названий лиц – к названиям животных.

ЛИТЕРАТУРА

Жовтобрюх М.А., Молдован А.М. Украинский язык // Языки мира: Славянские языки. – М., 2005.

Короткая граматыка белоруской мовы. У 2 ч. Ч. 1: Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія. – Мінск, 2007.

Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. Беседы о русском слове. – М., 1976.

Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, sdb. 16, 1985.

Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. – М., 1964.

Супрун А.Е. Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи. – Минск, 1969.

© Рябушкина С.В., 2014